

ПУБЛИКАЦИИ

Дмитрий Максимов

(1904 — 1986)

С Т И Х И

"Как известно, гоголевский губернатор любил вышивать по тю-лю. Я не губернатор, не ассенизатор, не литератор. Я не имею власти и желания распекаать квартальных, свистеть прохожим и проносить речи о социалистическом реализме. Но у меня есть право вышивать на досуге по тюлю. Можете считать, что это и есть мои стихи".

Так писал в предисловии к своим стихам профессор Дмитрий Евгеньевич Максимов, выдающийся исследователь творчества А.Блока, знаток "серебряного века" русской культуры. Стихи он писал всю жизнь, но лишь немногие знали об этом. В этих стихах была его жизнь, отделенная от той, что проходила на виду, жизнь тайная, своего рода подполье. Поэт прятался под псевдонимами: Игнат Карамов и Иван Игнатов. В последние годы своей жизни он, однако, предпринял попытку опубликовать свои произведения, и где-то в Италии вышел сборник Ивана Игнатова.

О стихах Максимова одобрительно отзывалась такой строгий ценитель, как Анна Андреевна Ахматова. А недавно, в последнем, девятом блоковском сборнике, посвященном памяти Максимова, появилась статья В.Н.Топорова о его поэтическом творчестве. Я не буду здесь давать подробную оценку этим стихам, скажу только, что стихи Максимова — это не "вышивание по тюлю", не профессорское "хобби", а настоящая поэзия.

С.Стратановский

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

/отрывок из письма автора А.Ахматовой/

Когда бы в моей воле и возможности был выбор, я предпочел бы для себя и для других поэзию, которая подчиняется духу гармонии и жизнеутверждения. Искусство хочет жизни. Оно призвано, задумано возвышать и облегчать, и осуществляет этот замысел даже в том случае, если ведет нас по тяжелым, каменистым дорогам. Утверждение гармонии, акт духовного преодоления /"катарсис"/ есть проявление той же борьбы с мраком и мороком жизни, как и наступление на них с поэтическим жезлом в руках.

Слава Богу, поэзия Ахматовой оставалась гармонической и в то время, когда она раскрывала нам страшные вещи /"С трещоткой прокаженного" и пр./ . А мне, Анна Андреевна, эта золотая мера гармонии и жесткой правды недоступна. Недоступен мне и дивный пастернаковский пафос любования жизненной стихией, в которой — перед лицом исторической совести — видится какое-то невинное, почти святое закрывание глаз. И неприемлема для меня /да и для Вас тоже — для Вашей сути/ изощренная эстетическая игра в рифмованные пустоты, р приправленная бездуховной, нигилистической иронией, которой неведомо, что игра может быть божественной или превращаться в трагический, предостерегающий танец смерти, а пустоты — заполняться печалью и болью.

Я рассказал бы, если бы у меня хватило голоса, только о такой жизни, своей и общей, какой я вижу ее — в ее болезни, угловатости, в ее угрозах, корчах, в ее неразрешенности, в ее ущемлении, различая лишь на самом глубоком дне ее притаившиеся обещания, невнятный шепот ее надежд и осколки полупризрачного уюта.

Это — моя дорога и моя правда, не перечеркнутая Вашей мерой, которую я люблю больше, чем свою.

Я не выдумывал этой пропорции мрака и света. Она сама возникла из моего состава /гоголевское слово!/, столкнувшегося с жизнью. В этой обреченности зрения, в его колеблющемся постоянстве — мое единственное оправдание, других нет.

Р А Н Н И Е С Т И Х И

/вторая половина 20-х – начало 30-х годов/

УТРО

Уже прокрался осторожный день
По диким крышам в жалобную мглу.
Глубоватый глаз в окно пугливо глянул,
И черный бык поголубел в углу.

Когда же там, на дне пустынных улиц,
Загрохотал предутренний обоз,
И стены грохнули и лампа зазвенела,
А красный глаз на потолке пророс, –

Тогда, расправив розовые крылья,
Громады туч раскидывая врозь,
На озаренный город с горизонта
Торжественное солнце понеслось.

НОЧЬЮ

Бродила полночь пустырем
И чтобы все внутри поблёкло
Своим свинцовым костылем
Она постукивала в стекла.

И подступающая даль
Нависла душным одеялом,
Когда заученное "да"
Ты через силу повторяла.

На лестницах не счел никто
Кошачье горе и порочье,
А чердаки таили то,
Что за спиной бывает ночью.

И ветер выл ночной пароль,
Бросая нам тоску чужую...
И жизнь была черна как боль –
Но эту боль не разлюблю я.

Я оторванность мою не вынес,
Я вошел в наш заповедный дом,
И глаза вещей потенциальных
Мутно посмотрели на меня.
Там под клики первородной мести,
Сон котов, часов и беготню мышей
Я, животным именем взволнован,
Рознял душу рода моего.
Там открылось мне, как сгорбленные братья
Скорбно выгибали шеи вниз,
Как отец под бременем костей,
По своим, по волчьим распорядкам
Хрипло плакал о судьбе седой.
Там на тяжких гардеробах тещи
Ручки в крылышки насмешливо слагали,
А сестрица слезы в косынку вплетала,
Свое сердце против сердца посылала.

Я оторванность не вынес, не осилил,
Я прикрыл себя тяжелой дверью, —
И опять у старого огня.
Тишина простерла у порога,
Тень жены во мгле изнемогает
И любовь мерцает при луне.

ДОЛГОВЕЧНОСТЬ

Задумав тихо и пристойно
С тобой, душа моя, скончаться,
Мы разведем тогда наседок,
Мы будем звать к себе васедок,
Чтобы подагрик за плечами
Построил домик долговечный.
И нам построить под опекой
Придется много силлогизмов,
Чтоб довод девственный очистить
От совокупности любви.
Так по законам и уставам,

Смирив годов быстротеченье,
Мы счастьем станем наслаждаться,
Пока в безводном теле нашем
Седое сердце шевелится.

В СОСЕДНЕМ ДОМЕ

Там жилец не спит над медью,
Там у жен глаза двойные,
Там сидит поэт роскошный,
И в поэта как в канаву
Лунный бог бросает славу.
Там блестит под лампой локон.
Там откормленный во мраке
Из пеленок, из волокон
Появляется во ффраке.
Там для деда клеит мушки
Каждый день младая бонна,
Чешут кудри ей старушки,
Она смотрит благосклонно.
Там на стенке руки кошек
Нацарапали преданье...
Но я знаю, что спокойней
Обойтись без толкованья.
Ведь в вещах душа прорыла
Не одну нору глухую.
Только, знаешь, я об этом
И тебе не растолкую.
Лучше так: под лампой локон,
Полускрытый темнотою...
Я его срисую просто,
А изнанку не открою.

х х х

Ночь пуста. Как глупость глух
Неродившийся петух,
И пространство на порог
Не пустило ветерок.

Но загробная краса
Раздувает паруса,
И зачатки, свет лия,
Лезут из р небытия.

Вот, поднявши костыли,
Вещи машут издали.
Так из скопища калек
Выступает человек.

И тогда, лицом свежа,
Вылупляется душа,
Чтобы знала голова
Все дела и все права.

х х х

Товарищи мои, собаки, кошки, птицы,
Домашние и верные мои.
Пусть жизнь исчерпана и горю нет границы, —
Я буду с вами в темном забытьи.

Весь день кружиться в этом мире лютном,
Тяжелым шагом мерить черный путь,
А вечером в истоки жизни мутной,
В уют животный томно заглянуть.

И в час возмездия, подушками казним,
Когда потянутся бессмысленности рачьи,
Я буду вспоминать глаза собачьи
И лапы жать товарищам моим.

ПОВЕСТЬ

В лесу дорог, полей, угроз,
Лохмотий, лаптей, сёл и слёз,
Где были вьюги под луной,
Где по дороге столбовой
С котомкой время шло назад,
А люди обходились сами,
Где под косыми небесами

Один пустой висел халат,
Где морщились тугие лбы,
Где ласточкам, цвета^м, капризам
Достался крап одной судьбы,
Где даже солнце было сизым,
Где только девушки улыбкой
Оберегали города,
Где птицы пели по ошибке
По четвергам, и без стыда,
Чтоб не был жребий одинаков,
Женились тетки на собаках,
Где бог на тумбочке сидел
И нарушителям свистел —
Двенадцать лет ходил я там
По неприятным берегам.

Но вот на следующий год
Всё потекло наоборот.
Огни, цветы наперебой,
Глаза и звезды, строясь в строй,
Все вместе с одного присеста
Решительно поднялись с места.

Я знаю силы тех годов,
Я знаю нравы тех ветров,
Которым отдались поля
Под добрым парусом Кремля.
Я это знал уже тогда,
Когда спасали города
Одни лишь девушки улыбкой,
Когда сшибались дней ошибки, —
Я их не даром сосчитал,
И, недовольный зубоскал,
Поняв, что больше не у места,
Бежал с насиженного места.

МЭРИ 1933.

СТИХИ ВОЕННОГО И ПОСЛЕВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

Из цикла "В ПОЛНОЧЬ ВЕКА"

1. КИРПИЧНОЕ

Пускай красуется и хвалится рекордом
Истории глухой тяжеловес, —
Секрет открылся в этом мире гордом
Есть громкие дела, но нет чудес.

Нам снилась пена, пенье, пропилеи,
И толп торжественных таинственный восход,
А утром ждали нас привычные затеи,
Кирпичной совести постылый оборот.

Да будет так! Мы маскам двуязычным
Своей души не отдадим в наем,
Но в поте и в слезах свой груз кирпичный
Как все, как все на площадь понесем.

3. К МУЗЕ ИВАНОВНЕ /из Пиндемонти/

А могла быть гордой,
На тех не похожей,
Если б не этот безродный,
Бессчетный, сторожий.

Геральдику в арифметику
Тот педагог облек.
Ты учила ответики,
Повторяла билетики
Арифметике поперек,
Сама себе невдомек.

Он скажет:

хрю, ква!

Ты повторишь:

дважды-два — халва!

Он скажет:

кукареку!

Отвечаешь:

бегу, пеку!

А подымет левую бровь, —

Знаешь:

не прекословь, кровь...

Вот и стала каргой,
А могла быть молодой,
Вот и стала беззубой, горбатой,
А могла быть тароватой, богатой:
Не ловила бы ветер ноздрей,
Не хлюпала лягушечьей икрой,
Не пугала попугайной мордой —
Была бы простой
И гордой.

4. ПРИТЧА

"— Мне нестерпима смесь добра и мрака,
Хочу добра, хотя бы вверх ногами!"

И друг ответил, отложив перо:

"— Смотри глазами!"

Там черный бык сидел, насвистывая Баха,
И на машинке сочинял добро.

6. ВОЗВРАЩЕНИЕ БЛУДНОГО СЫНА

Остались запахи и прежняя береза,
И закадычный сгорбленный денек,
К развалинам приникший. Но пришедший
В слезах запутался, в рыданиях изнемог
И узнавая всё, не узнавал.
Он приволок с собой срамных поступков груды,
Безумные пространства, города звериные
И образы владык каменноликих,
И кривду слов курносых,
И память жгучую о тех понурых, моргающих,
Кому он в тощие глаза не заглянул...

И эти мороки нахохлились над ним
И заслонили

деревья и тропинки,
Полузеленные увядшие былинки,
Проросшие как детство на дворе,
К которым пальцы он простирал,
Которых звал на помощь
Бессчетные года.
И эта рухлядь выпучила очи,
Бесцветные как время прожитое,
И непристойными шептались галосами,
Кичилась, хвасталась наперебой,
И громоздилась как пустые кубы...

Тогда он тихо подошел к березе,
Припал к ее обугленной груди,
Закрыв свои глаза седые —
И перед ним возникло в тишине
Виденье рук, положенных на плечи.

О, руки милосердные, простертые во мраке!
Живые руки в пустоте земной!

8. СИЯЕТ БОЛЬ

Там, где брови поднимают,
Плечами пожимают,
Глаза опускают,
Где рты раскрываются,
Колени подгибаются,
Шеи склоняются.
В мире незнающих,
Непонимающих,
Повторяющих —
Там —
Как друг над изголовьем,
Как сердцебиенье под белой простыней,
Как полуоткрытый глаз надежды,
Как отсвет жизни неугасшей,
Как свет, в ночи приснившийся,
Сияет боль.

ОБИДА

Как прожившийся, разоренный,
Отдавший всё без возврата,
Так уйду и я оскорбленный
На дно моей горькой утраты.

Опущусь в водоемы глухие
Обиды могучей, непорочной.
Там — воды, слезы людские
Тягу земную точат.

А ты, обиженная тоже,
Травиночка моя, не тужи —
Может быть, тебе еще поможет
Так называемая жизнь.

х х х

Птицы пели на опушке,
На Литейном, у щеки.
Мы давно с тобою мушки,
Дети, рыбки, старики.
Нам тепло с тобою в сетке,
Изучая суть реки.
Твой глазок поет на ветке,
Остальное — пустяки.
Остальное на аркане
Уведет с тобой денек,
Остальное на экране
Затуманит вечерок.

ГОРА

Та гора была как гром!

М.Цветаева

Из моей груди — твоего двора —
Как гром в ночи поднялась гора.
И эта гора была черна как боль
/Милая, душу мою уволь!/

Ведь твоей любви не добры дары —
Ей не разрушить моей горы,
И нам с тобой уж не видать добра —
Наш дом раздавит моя гора.

Она притаится как смерть у одра.
В глаза сверкнет удар топора.
И наша любовь — мой звон, мой сон —
Канет в безумную бездну времен.

ПОЭТ НА ЛИГОВКЕ

Ходит в городе беда,
Ходят люди вбок.
В ожидании суда
Бредит городок.

А поэту от суда
Избавленья нет —
И ведет его беда
Лиговкой сует.

А за Лиговкой сует —
Лиговка тягот,
И бредет по ней поэт
В поисках красот.

А за Лиговкой сует
Лиговкой скорбей
Пробирается поэт
В поисках людей.

Он растекся от сует,
От скорбей продрог,
Протоптав свой краткий срок
В поисках дорог.

Но на миг из тьмы дорог
В самый черный час
На него наводит Бог
Треугольный глаз.

ДУША В ГОРОДЕ

Когда в свой город зачумленный
Она спускалась с вышины,
За ней влачился истомленный,
Бессонный лик ее вины.
И довременные каналы,
И глуби серые дворов
Уже готовили капканы
И ей сулили свой улов.
И зверь Невы, привстав со дна,
Вскричал: "Да будет прощена!"
Но чужестранки чистоту
Не очернили града вещи,
Пока не прянул в пустоту
Из логовищ вожак зловещий.
А ей хотелось избежать,
Рогатый пепел остудить
И эту каменную знать
Своей свободой покорить.
Она не ведала, что ватой
Забил им уши соглядатай,
Что в конуре слепец кричал,
А зрячий в подворотне гнулся,
Что спящий вовсе не проснулся,
И Бог его не покарал.
И неспросившему сказала:
"О, сон кривой! О, ночи жалко!
Я от себя утаена,
Я позабыла имена,
Но этот дикий город любит
Меня. И совесть вниз ведет,
И мне Фонтанка песнь поет, —
Небытие мое голубит".
И шла согбенная душа,
По темным улицам шурша,
В своем стремленьи первородном
На дальний зов путем Обводным.

х х х

Щипцы нацелив, пустота
К тебе ползет из дыр...
/Не бойся: эта ночь — не та,
И этот дом — не мир/.

Но эта персть... Но жгучий глаз,
Набухший подозреньем,
Ночной неистовый рассказ
И похоть с угрызеньем.

И эта проволока душ, —
Игла в мозгу титанки —
Пустая смерть, которой туш
Играют лесбиянки.

И сочлененья и крючки...
/Но этот дом — не мир,
В котором Дух надел очки,
Но не закончил пир/.

И шляпки, щетки на полу
В чудовищном алькове.
И та, зажавшая иглу,
С петлею наготове.

С Е М И Д Е С Я Т Ы Е Г О Д Ы

КОРОТКИЕ СТИХИ С АНГЕЛАМИ

В реторту к ангелам вечерним
Я подмешаю нашатырь,
И может быть в горниле разложения,
Вбирая жизни содроганья,
Увижу душ образование.
Науку я люблю.

х х х

Он белым глазом поглядит в окошко,
Проковыляет утром налегке,
Потопчется, подразнится немножко
И вечером мелькнет на потолке.

х х х

Заря в окно протягивает очи,
С дождем мешается, отходит на покой,
И старый ангел в полутьме бормочет,
Бормочет вздор над кружкой пустой.

х х х

Хозяин не упирался,
Природа его взяла.
И долго в дверях мотался
Лоскут от его крыла.

х х х

Ее любовь размыли те дожди...
И сколько бед еще, чтоб сердце затушить!
Она грядет к тебе, Гроболюбитель, жди,
Тебя и ангелов твоих судить.

х х х

Ветвей ^{зо}сосреченность.
Воды серьезность.
Вы, ангелы дорог безлюдных,
О, научите меня
Молчанью жизни!
Я не хочу играть.

х х х

ПАМЯТИ ЖЕРТВ 9 ЯНВАРЯ 1905 ГОДА

/К семидесятилетию/

Безручье. Безножье. Безглазье.
> Ползем безъязычны, безушны, безумны,
Безглазно ползем, бездыханно,
Отрепья волоча за собой.
Но телом безкостным, бескровным,
Кожей избранной
Судороги жертв, пляс палачей

П о м н и м.

Но оком огромным,
На затылке проросшем,
Огненным оком,
Оком тройным, пронзающим, львиным

В и д и м.

И так же, все так же
Тот призрак дымный, бессмертный,
Дедам приснившийся,
Отцами забытый.
Забытый.
Тот образ дымный
В сердце бескровном, в духе сиротском
Х р а н и м.

х х х

I

В души задувало
А люди жили и понемногу
Хотели.
И тихо бормотали.
И каждый в саду существ
Склонялся и шумел.
И приникали к сосудам птичьим.
И тихо слушали
В печали протяжной, священной,
В веселии скудельном
Чириканье минут.

2

В души задувало
А люди жили и **понемногу**
Хотели.
Но, жизнь любя, не понимали,
Что дни лукавы,
Что человеки не возвращаются,
Что передернуты страницы,

Что птицы подучены,
Что перепутаны дороги,
Что в щелях яд крысиный,
Что унижение беспредельно.
И только ветры мыслят величаво.

.....